

## I

Сказка лежала, блестя непросохшими буквами, на письменном столе, рядом с чернильницей. Когда я, тронув кой-где пером, стал сворачивать рукопись, мне показалось, будто самые буквы её норовят вон из строк: скорее в зрачки.

Но час был полуденный. Чтение же назначено к девяти. Солнце не любит фантазмов, а вот лампы, те иной раз и не прочь, внимательно наставив абажуры, прослушать сказку-другую.

Итак, буквам приходилось дожидаться сумерек.

Скудная авторская радость была наперёд слажена и обеспечена: сказку ждала тихая, с грустными городскими цветами на окнах, комната; в комнате дюжина благожелателей. И вдруг (кто бы мог ждать) встреча с человеком, перечеркнувшим фантазм.

Произошла встреча тотчас же после последней правки текста. Близился час обеда. Оставив рукопись на столе, я оделся и вышел на улицу. Но я не сделал и сотни шагов, как внимание моё было привлечено высокой, будто застывшей фигурой человека, прислонившегося к фонарному столбу: человек стоял против белого, с золотым обводом циферблата, круглящегося с куска жести, привешенного над дверью часового магазина, и пристально всматривался в две намалеванные чёрные стрелки, ткнувшиеся в римские цифры диска. Сначала я было прошёл мимо. Затем оглянулся: незнакомец, не меняя позы, всё ещё стоял, подняв чуть прищуренные глаза к нарисованным цифрам. Взглянул и я: на вывеске -- двадцать семь второго.

И тщательно бритое лицо незнакомца, и его тщательно чищенное платье -- заносены и блеклы: платье -- в складках, лицо -- в морщинах. Люди, сталкивая друг друга локтями с тротуарных лент, растыкав глаза по витринам, плакатам, афишным столбам, а то и с зрачками в носки своих сапог, не замечали созерцателя.

Лишь я да мальчишка с лотком на ремне оценили феномен. Между тем созерцатель, отвернув полупальто, вынул карманные часы и, медленно переводя глаза с крохотного диска, зажатого в руке, на намалёванный диск вывески, ставил свои часы по нарисованному времени. Мальчишка заготовил. Я, отвернувшись, продолжал путь. Навстречу, меж вывесочных квадратов, овалов и прямоугольников снова прокрутился белый циферблат. Не имею обыкновения смотреть на вывески, но сейчас взглянул: на диске две чёрных неподвижных стрелы; под остриями стрел -- цифры: двадцать семь второго. Тут-то и вошло в меня какое-то недоброе смутное предчувствие. Я ускорил шаг, но теперь зрачки мои сами рылись среди кусков крашеной жести, ища диски и цифры. Новый диск отыскался у поворота в тёмный переулок: две его чёрных стрелы, повиснув над переулочной щелью, спрятались в чёрную тень многооконной каменной громады дома, но и сквозь тень обозначалось -- двадцать семь второго. Я остановился с поднятой к цифрам головой: мне казалось, стрелки должны двинуться, сойти с фатальных делений. Но на нарисованном циферблате ничто не шевелилось; мутно мерцал узкий золотой обод, а чёрные стрелы, будто отыскав нужное, притиснули острия к краям диска и стали -- навсегда.

Вокруг шуршали шины, стучали подошвы. До полудюжины локтей ткнулось в меня. Тяжёлый куль пнул в плечо; я оторвал глаза от диска: какой-то малец, с лотком на ремне, в рваном картузишке, осклабясь, вогнал в меня глаза. Оставалось идти дальше.

Вечерело, когда я вернулся к рукописи. Буквы на нумерованных страницах присмирели и чёрными скрюченными уродцами глядели со строк. Я сунул их в карман: стрелка часов подползала к девяти.

## II

Все сели кругом. Молчание. Слово предоставлялось рукописи. Придвинувшись к лампе, я начал: "СобираТЕЛЬ щелей". Сказка. Это было в..." -- в прихожей дёрнулся жестяным всхлипом звонок. Я оборвал. Хозяин прошёл на цыпочках в переднюю. Через минуту лицо его, несколько смущённое, показалось в дверях: рядом с ним, в наглухо застёгнутом длинном сюртуке, стоял, не глядя ни на кого, тот, встреченный у уличного циферблата человек. Нежданный гость, всё не подымая глаз, сделал общий учтивый поклон и молча уселся в углу, у